

В. Т. Логинов,
доктор исторических наук,
"Горбачев-Фонд"

Непонятые уроки прошлого

Этот заголовок навеяли слова В.Ключевского: "История ничему не учит. История наказывает за невыученные уроки". С маленькой поправкой — уроки оказались "невыученными" потому, что не были поняты.

Питирим Сорокин не любил революцию. И на то, видимо, у него были причины. Поэтому, прибыв в сентябре 1922 г. на знаменитом "философском пароходе" в эмиграцию, он долго размышлял над тем, что же порождает революции вообще и нельзя ли их как-то предотвратить. О том, что это способны сделать радикальные реформы, было хорошо известно и до него. Но Питирим Александро-

© В.Т.Логинов, 2003

вич впервые сформулировал четыре необходимых признака подобного рода реформ.

Тут было и "тщательное научное исследование конкретных социальных условий, которое должно предшествовать любой практической реализации их реформирования". Особо выделялся пункт о том, что "каждый реконструктивный эксперимент вначале следует тестировать на малом социальном масштабе. И лишь если он продемонстрирует позитивные результаты, масштабы реформ могут быть увеличены". Подчеркивалось и то, что "реформы должны проводиться в жизнь правовыми и конституционными средствами".

Но все это были пункты 2, 3 и 4. На первое же место Сорокин поставил соответствие самого содержания реформ менталитету народа, его представлениям о желаемой цели, о добре и зле. "Реформы не должны, — пишет он, — попираť человеческую природу и противоречить ее базовым инстинктам"¹.

И тут Питирим Александрович входит в явное противоречие с одним из первых наших докладчиков — господином В.Мау, который объяснил, что о каких-либо общественных переменах можно вести разговор лишь в "строго рациональных экономических категориях". При таком подходе даже упоминание о каких-то "базовых инстинктах" становится пустой сентиментальностью. Ибо чаще всего эти инстинкты выражаются таким нерациональным понятием, как "справедливость". А вывести математически точную формулу справедливости пока никому не удалось.

Так что же — славный сын народа коми Питирим Сорокин, ставший в эмиграции одним из основоположников современной западной социологии и, кстати сказать, одним из учителей будущего президента США Джона Кеннеди, страдал элементарной сентиментальностью?

Отнюдь!

Когда Сорокин размышлял о всех указанных проблемах, в поле его зрения были, по крайней мере, четыре российские реформы: 1861, 1906, 1918 и 1921 гг.

Реформа 1861 г. вполне укладывалась в "рациональные экономические категории", и проводили ее люди достаточно грамотные. Но в сознании крестьян, потерявших "отрезки", сложилось прочное убеждение, что их обманули и обворовали. Либералы могли сколько угодно писать и говорить о том, что проблема российской деревни состоит не в размерах надела, что в Европе с помощью агрикультуры получают большие урожаи с меньших площадей. Ответ был один: пусть вернут украденное.

Десятки лет крестьяне терпеливо ждали, что справедливость восторжествует. Потому-то недоверчивый по природе своей мужик

---

¹ См.: *Межуев В.М.* Между прошлым и будущим. М, 1996. С. 107.

и поддавался так легко на авантюры людей типа Стефановича и Бохановского с их подложными царскими грамотами (Чигиринское дело 1877 г.), ибо верили крестьяне, что царь-батюшка устранил несправедливость.

Ждали 40 лет. А в 1902 г. заполыхали помещичьи имения и покатило по России — то ускоряя, то замедляя свой бег — "Красное колесо". Так 1861 год породил 1905-й.

Столыпинская аграрная реформа, начатая в 1906 г., также была вполне разумна с точки зрения "рациональных экономических категорий". Мало того, она была апробирована не только в Европе (Пруссия), но и в некоторых западных районах России. Фермеры-хуторяне, владевшие землей на правах частной собственности, действительно давали образцы эффективного ведения хозяйства. И вполне возможно, что при определенных условиях до 1905 г. такая реформа могла бы иметь успех. Особенно, если бы реформаторы помнили при этом, что в Пруссии она заняла около 100 лет.

Но в 1905 г. общероссийское крестьянское восстание выдвинуло иной, казалось бы, странный лозунг — "Земля Божья!". Сколько иронии по поводу деревенских предрассудков, сколько сетований на невежество крестьянской массы было излито по этому поводу со страниц либеральной прессы и с думской трибуны. И совершенно напрасно...

Ленин не зря любил повторять слова Маркса о том, что у крестьян есть не только предрассудок, но и рассудок. Реальное политэкономическое содержание лозунга "Земля Божья!" было вполне конкретно и понятно каждому мужику: ликвидация помещичьей собственности на землю и превращение ее в общенародное достояние.

Но поскольку П.А.Столыпин призвал к власти именно для того, чтобы охранить помещиков и не допустить "черного передела", мнение "быдла" решили игнорировать.

О том, что из этого получилось, говорилось на наших симпозиумах и в 2000 г., и в 2001 г.¹ Прежде всего реформа дала принципиально иные результаты, нежели те, на которые рассчитывали ее творцы. Не выделение из общины "сильных и трезвых", не создание слоя "крепких хозяев", способных стать опорой режима, а исход, как говаривал Столыпин, "слабых и пьяных". С 1906 по 1916 г. из 15 млн крестьянских дворов из общины вышли 26% хозяев, т.е. четверть. Но им принадлежало лишь 16% надельной земли. 40% выделенной земли сразу продали. А 2,5 млн хозяев лишь формально вышли из общины, т.е. укрепили свои наделы в личное владение, но в составе общинных земель². Иными словами, с точки зрения тех задач, которые ставились перед ней, реформа провалилась.

¹ Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., 2000. С. 37; Кто и куда стремится вести Россию?.. Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. М., 2001. С. 26.

² Там же.

Сравнение "реформ сверху" 1861 г. и 1906 г. показывает, во-первых, что попытки реформаторов исходить из некоей якобы "государственной" точки зрения не решали проблему, а на деле означали лишь защиту интересов тех слоев населения, которые наиболее близко стояли к государственной власти. Во-вторых, неприятие сути реформ самим "объектом реформирования" требовало создания мощного бюрократического аппарата, способного извратить, а точнее, приспособить к своим интересам любую идею. А в-третьих, — и это главное — проведение подобного рода реформ всегда требовало крупномасштабного насилия.

Применительно к столыпинской реформе речь идет не о тех тысячах, которые были повешены, не о десятках тысяч расстрелянных и не о сотнях тысяч арестованных, отправленных в тюрьму, ссылку или на каторгу. Это была месть — месть за революцию. А в данном случае — речь о том, что представляла собой сама рутинная практика реформирования.

Прежде передел земли в общине, всегда болезненный, сопровождавшийся, как правило, мордобоем, а то и дрекольем, проводился раз в 12 лет. С 1908 г. переделы стали постоянными, ибо, по новому закону, их производили по требованию даже одного общинника, пожелавшего выделиться или уехать за Урал. А такой передел означал передвижку всех крестьянских земель. Между чиновниками шло соревнование за процент "выделившихся", и они принуждали крестьян силой. И это насилие касалось уже не тысяч, а миллионов...

Таким образом, оказавшись неспособной решить аграрный вопрос, реформа лишь ускорила разрушение привычных устоев деревенской жизни, т.е. жизни большинства населения России. Миллионы вышедших из общины, покинувших отчий дом, постоянные переделы и новое землеустройство — все это создавало атмосферу неустойчивости. А невозможность противостоять насилию и издевательствам, ощущение бессилия против несправедливости — по всем законам социальной психологии — рождало лишь злобу и ненависть. Столыпин мечтал об умиротворении и "20-ти годах покоя". Не вышло. Не об успокоении шла речь, а о том, что в стране вновь назревал общенациональный кризис.

Летом 1913 г. Ленин писал, что весь ход правительственных реформ лишь доказал, что в России нет мирного, реформистского выхода из тупика — "нет и быть не может. Все это знают, понимают и чувствуют". По его характеристике, страна переживала не что иное, как "состояние плохо прикрытой гражданской войны. Правительство не управляет, а воюет"¹. Впрочем, могут сказать, что это анализ Ленина, который вполне мог выдать желаемое за действительное...

Но о том же в 1913 г. пишет в "Новом времени" — в статье под Характерным названием "Невоспитанный народ" — и совсем пра-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 396; Т. 25. С. 65.

вый Меньшиков: "Внутри России опять начинает пахнуть 1905 годом...". А в апреле 1914 г. депутат Думы граф Мусин-Пушкин делится своими наблюдениями с заместителем на Кавказе графом Воронцовым-Дашковым: "Революции никто не хочет, и все ее боятся... Но все приходит к убеждению, что она неизбежна, и только гадают, когда она наступит и что послужит толчком"¹. И в начале того же 1914 г. сам Государь получает от бывшего министра внутренних дел графа Дурново меморандум, который предупреждает Николая II о том, что "Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению"².

Через три года, в феврале 1917 г., "Красное колесо" революции вновь покатило по России. В октябре власть перешла к Советам, и одним из первых узаконений нового правительства стал "Декрет о земле". Еще летом этого года на крестьянских сходах по всей стране стали приниматься указы Всероссийскому съезду Советов о конфискации помещичьих земель, передаче земли в общенародную собственность и уравнительном распределении между теми, кто желает ее обрабатывать. Данные указы и были положены в основу декрета "для руководства по осуществлению великих земельных требований". Поясняя это, Ленин заявил: "Как демократическое правительство мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были не согласны"³.

Эта радикальная реформа новой власти не потребовала, как прежде, ни долгого времени, ни громоздкого бюрократического аппарата. 150 млн десятин земли, весь помещичий инвентарь были переданы крестьянам уездными советами и волостными комитетами буквально за несколько месяцев до начала весеннего сева. Помещикам оставили лишь участки, соответствующие установленной для данного региона "трудоустройственной норме", как и всем другим гражданам России, пожелавшим заняться земледелием. Вот так сурово и беспощадно "мужичья справедливость" была проведена в жизнь. Потом была гражданская война, продотряды и продразверстка и вновь полыхнули по России крестьянские восстания. Но как только война закончилась, новая власть стала переходить к новой политике. И основу ее опять-таки определили не столько "рациональные экономические понятия", сколько мнение и требования самих крестьян. И, казалось бы, на сложнейший вопрос "Как крестьянина удовлетворить?.." — Ленин, как и в 1917 г., ответил очень просто: "Конечно, из тех же самых требований крестьянства"⁴. Генеральная линия, указывал он, состоит в том, чтобы "учиться у крестьян способам перехода к лучшему строю и **не смей командовать!**"⁵

¹ Аврех А.А. Царизм и IV Дума. М., 1981. С. 106, ПО.

² Красная новь. 1922. № 6. С. 179.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 27.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43 С. 61.

⁵ Там же. Т. 38. С. 148-149, 200, 201.

Именно поэтому для проведения такой реформы опять-таки не понадобилось ни долгих лет, ни специального бюрократического аппарата. Уже в 1926 г. Россия полностью восстановила и превысила промышленное и сельскохозяйственное производство и, кстати, первой из европейских держав — участниц войны достигла экономического уровня довоенного 1913 г. Это было похоже на "чудо"...

Мне удалось записать рассказ очевидцев о том, как в Москве, у Храма Христа Спасителя, в самом начале Остоженки, открывали первую частную булочную. Очередь занимали затемно... После стольких лет войны и голода, когда по карточкам давали лишь самый низкосортный черный хлеб, обещали, что будут продавать белый... И когда, ровно в 8 часов утра, распахнулась дверь и на пороге появился хозяин в полуметровом крахмальном колпаке, в нос ударил забытый запах сдобы и ванили, люди ринулись в магазин... Известная актриса, увидев полки с белыми булками, сайками, пирожками, кренделями и ромовыми бабами, рухнула на колени и, не найдя икон, стала крестить сверкающий никелем кассовый аппарат.

В своей книге "Продолжение истории..." Вадим Белоцерковский пишет: "Реформа по внедрению капитализма в России длится уже более 10 лет. В свое время проклятые большевики Ленина сумели за 4-5 лет их реформы, нэпа, преодолеть ужасающие последствия мировой и гражданской войн и поднять жизненный уровень народа на такую высоту, которая не достигалась в России ни в царские времена, ни после того, как Сталин пресек нэп. (Этот факт и соответствующую статистику замалчивала советская историография, замалчивает и антисоветская. Он невыгоден ни тем, ни этим!) И это при том, что большевики не имели в своем распоряжении развитой добычи природных ресурсов для их экспорта"¹.

Так что же: или — или? Или "рациональная профессорская наука", или "базовые инстинкты"? Надуманное противопоставление! Ибо верно то, что у народа есть "не только предрассудки, но и рассудок", что "базовые инстинкты" — это, кроме прочего, не что иное, как коллективный опыт человечества, по-своему улавливающий весьма существенные стороны реальной жизни, которые могут быть еще не схвачены наукой.

Лучше всех написал об этом ученый-материалист Фридрих Энгельс: "Что неверно в формально-экономическом смысле, может быть верно во всемирно-историческом смысле. Если нравственное сознание массы объявляет какой-либо факт несправедливым, как в свое время рабство или барщину, то это есть доказательство того, что этот факт сам пережил себя, что появились другие экономические факты, в силу которых он стал невыносимым и

---

¹ Белоцерковский В. Продолжение истории: Синтез социализма и капитализма. М., 2001. С. 20.

несохранимым. Позади формальной экономической неправды может быть, следовательно, скрыто истинное экономическое содержание"¹.

Значит, выход один: если вы всерьез озабочены проблемами реформирования страны, т.е. народной жизни, озаботьтесь тем, чтобы ваши рекомендации выражали не только логику сугубо научных изысканий, но и опыт самого народа, его представления о желаемой цели, о благе и справедливости. Иного не дано...

Наш замечательный философ Эвальд Ильенков, сравнивая смерть Дон Кихота и Смердякова, написал: «Ум, попирающий элементарные требования нравственности, кончает как глупый подлец, как подлый глупец, осознавая это невыносимое и для "ума" и для "совести" состояние...»²

Надо ли после этого говорить о тех "реформах", свидетелем и объектом которых Россия стала в 90-х годах XX столетия? Достаточно еще раз назвать те четыре условия успешных реформ, которые сформулировал Питирим Сорокин, чтобы понять причины наших нынешних невзгод. И все-таки — одна иллюстрация...

12—14 августа 2002 г. "Новая газета" (№ 58) опубликовала данные о российском нефтебизнесе: о добыче, выручке и многомиллиардных прибылях. Оказывается, что налоги и другие доходы, поступающие в консолидированный бюджет страны от реализации нефти, составляли в эти годы лишь около 20% от выручки. Но тут же делается существенная оговорка: "в нефтедобывающей отрасли от налогообложения скрывается не менее половины прибыли". Значит, уже не 20, а в лучшем случае — 10%.

Поставьте рядом две цифры: 90 и 10! Может ли такой "экономический порядок" считаться справедливым? И можно ли всерьез полагать, что этот "порядок" имеет шанс на стабильность?

Судя по всему, уроки прошлого оказались непонятыми, а потому и невыученными. Между тем, как заметил однажды Ленин, "история — мамаша суровая...". Ибо успех всего реформаторского дела действительно завязан на якобы "нерационально" мыслящем населении с его понятиями о справедливости. И если нынешние российские реформаторы за 10 лет так и не нашли с ним общего языка, это означает лишь то, что данный народ совершенно непригоден для данных реформ. И реформаторам надо в другом месте поискать для своих новаций другой народ. Если, конечно, он это позволит...

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 21. С. 184.

² Наука и нравственность. М., 1971. С. 410.